

Роман Сенчин

Всё нормально

*Часть сборника
Иджим (сборник)*

Роман Валерьевич Сенчин

Всё нормально

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685725

Роман Сенчин «Иджим»: ЭКСМО; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-41760-5

Аннотация

"Конференция прошла без сюрпризов. Да Чеснов и не представлял, что бы могло его удивить, расстроить или обрадовать, раздражить. Быть может, лишь прямо на него направленное хамство вывело бы из себя или обрушение потолка во время пленарного заседания стало бы потрясением. Но люди и в этот раз подобрались корректные, спокойные – в основном, как и сам Чеснов, профессиональные участники всевозможных научных собраний; потолки везде были крепкие, здание университета, где проходила конференция, недавно отремонтированное. И вообще все было нормально. Как всегда".

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Сенчин

Всё нормально

1

Конференция прошла без сюрпризов. Да Чеснов и не представлял, что бы могло его удивить, расстроить или обрадовать, раздражить. Быть может, лишь прямо на него направленное хамство вывело бы из себя или обрушение потолка во время пленарного заседания стало бы потрясением. Но люди и в этот раз подобрались корректные, спокойные – в основном, как и сам Чеснов, профессиональные участники всевозможных научных собраний; потолки везде были крепкие, здание университета, где проходила конференция, недавно отремонтированное. И вообще все было нормально. Как всегда.

...Еще в марте к Чеснову обратились с предложением приехать в этот город на ежегодную конференцию с докладом минут на двадцать или сообщением на десять. Чеснов поинтересовался, берут ли на себя организаторы оплату дороги, проживание и питание, намекнул на небольшой гонорар. Ему, доктору наук, ездить из чистого энтузиазма уже было как-то несолидно.

Дорогу, проживание и питание организаторы, естествен-

но, оплачивали, гонорар, «к сожалению, скромный» (а это, по опыту знал Чеснов, тысяч пять-семь), пообещали. В ответ Чеснов с ходу продиктовал им тему своего доклада.

За неделю до конференции курьер принес билеты на поезд в оба конца; Чеснов сообщил в отделе, что уезжает на три дня, а вечером сказал о том же жене.

Жена отнеслась с пониманием – она привыкла к его командировкам, да и, кажется, радовалась им. Трехкомнатная квартира для четырех взрослых людей была тесна, все, особенно по вечерам, мешали друг другу; Чеснов давно уже все-таки не работал дома, а предпочитал, если было нужно, задерживаться на службе, где у него был крошечный, зато отдельный кабинет. Впрочем, особых поводов на чем-то сосредоточиться, во что-то погрузиться, не появлялось. Последний раз – докторская, посвященная голоду сорок шестого – сорок седьмого годов в Западной Сибири, которую он защитил пять лет назад. С тех пор работал по мелочам, вполсилы, наскоро, и доклады для конференций и симпозиумов не писал, а лишь набрасывал в виде тезисов, фиксировал кое-какие цитаты, цифры (часто по памяти, не совсем точные), не заботясь, произведет его доклад впечатление или останется незамеченным. Знал по себе – большинство в зале во время чтения дремлют или думают о постороннем. Главное, ради чего на конференции собираются, происходит по вечерам, за банкетным столом.

...В день отъезда Чеснов жил по обычному расписанию

и лишь за два часа до поезда надел костюм, обул выходные туфли, уложил во вместительный кейс тапочки, туалетные принадлежности, сменные носки, пару рубашек. Щелкнул замочками, с плохо скрываемым облегчением вздохнул, обращаясь к жене: «Что ж, пора». Жена для виду засуетилась. «Ой, нужно ведь что-то собрать!» Распахнула дверцу холодильника. «Не надо ничего, – взял ее за руку Чеснов. – Не в тундру, чай, еду». Чмокнул в щеку (дети были в школе), вышел на площадку, вызвал лифт.

Рядом с домом, в пятидесяти метрах, находился гипермаркет. Десяток касс не позволяли создаваться очередям даже в часы пик. И в этот раз Чеснов без проблем купил бутылку дербентского коньяка, палку сервелата, шоколадку, несколько пачек легкого «Винстона». Пешком дошел до метро. Через сорок минут был на Казанском вокзале. Поезд как раз подали.

Не удивился, увидев в купе Степанова, Ремникова и Зюзькова. Всё это были, как и он, доктора наук, завсегда и подобного рода мероприятий.

Поздоровались тепло, но без объятий; несколько натужно обменялись малоинтересными новостями. Дождались, то и дело поглядывая в окно на людную платформу, пока тронется поезд, и когда тронулся, вынули из портфелей и кейсов бутылки, закуску. Алеша Ремников поставил свои фирменные стальные рюмочки на пятьдесят граммов.

Все они уже посещали тот город, куда их пригласили,

представляли, как примут, чего ждать от предстоящих дней. О достижениях друг друга были осведомлены, и разговаривать оказалось, по существу, не о чем. И когда после третьего тоста, в районе Коломны, Зюзьков достал карты, вздохнули с облегчением.

Играли в дурака два на два. Увлечлись, посмеивались, подшучивали над соперниками; выпивать стали чаще. Но спать легли довольно рано и почти трезвыми – помнили, что завтра в восемь утра нужно будет вставать. А в двенадцать – открытие.

Приняли хорошо. Встретили на перроне, посадили в микроавтобус, заселили в центральную гостиницу. Дали отдельные номера. Накормили сытным, «с аперитивчиком» завтраком в гостиничном ресторане.

После завтрака Чеснов полежал на широкой кровати, обвыкаясь в новой обстановке, затем принял душ и побрился, надел белую рубашку, костюм, затянул на горле узел бордового галстука, прошелся обувной щеткой по туфлям. Глянул на себя в зеркало: «Готов».

Педагогический университет, где должна была проходить конференция, находился на другой стороне площади Ленина. Пять минут ходьбы. Чеснов шел медленно, поглядывая по сторонам... Последний раз он приезжал сюда, во второй по величине город одной из центрально-черноземных областей, два года назад. На такую же конференцию. В тот раз она

проводилась в девятый раз. В этом году, значит, в одиннадцатый. «А на юбилейную не пригласили», – слегка обожгла Чеснова обида. Но он тут же вспомнил, что в прошлом году в это время был на конференции по истории российско-абхазских отношений, проходившей в Сухуми, прекрасно провел там почти неделю, и обида погасла.

...Город этот пощадила Великая Отечественная – сражения происходили севернее и южнее, а здесь даже почти не бомбили. Здания в центре остались середины девятнадцатого века, но за ними возвышались, поддавливая старину, построенные недавно небоскребики из стекла и бетона. К трехэтажному корпусу педагогического университета была пристроена современная девятиэтажная «книжка».

Из общения с горожанами, общения не частного, а в составе группы ученых, Чеснов понял, что здесь не любят ни коммунистов, ни демократов, сильны монархические настроения – во время Гражданской войны в городе шли тяжелые, жестокие бои деникинцев с красноармейцами, – но памятник Ленину, маленький, зато на высоченном постаменте, не сносили, улицы Куйбышева, Кирова, Горького, Ворошилова, Красных героев не переименовывали. «Пускай так пока, – сказал замглавы городской администрации во время позапрошлогогодней встречи. – Не Ельцина ж с Горби увековечивать».

Над входом в университет висела кумачовая растяжка с надписью: «Привет участникам XI Научно-практической

конференции «Крестьянство – опора Государства Российского!»... Чеснов усмехнулся – палочка после римской десятки была явно свежееоттрафареченной, зато другая, перед десяткой, – закрашена красной краской. Издалека не видно, но вблизи бросалось в глаза.

Возле дверей курили, болтали студенты. Много девушек, высоких, стройных, в совсем летних платьицах и юбочках... Да, в Москве только-только листья расправились, а здесь каштаны цветут...

По пологой, истертой миллионами ног лестнице Чеснов поднялся на второй этаж. Раньше, он знал, здесь находилось уездное дворянское собрание, а с двадцатых годов – вуз. В актовом зале, где через несколько минут должно было начаться открытие мероприятия, когда-то, наверное, устраивали балы, благотворительные лотереи. Может, какая-нибудь местная Анна на шее сводила мужчин с ума и разоряла мужа...

Актовый зал был почти заполнен, в основном молодежью (студенты, аспиранты), лишь первые два ряда пустовали – преподавательский корпус и участники еще не подтянулись. Чеснов постоял у входа и вернулся на улицу. Закурил... Становилось жарко, и захотелось снять галстук, купить пивка, сесть в тень на скамейку и сидеть, сидеть, наблюдая за прохожими, не спеша о чем-нибудь размышлять. Или лучше подремать на свежем воздухе... В Москве такие мысли, о сидении на скамейке и пиве на улице, не возникали – там он

торопливо выходил из подъезда и кратчайшей дорогой шагал к метро, не тяготясь, просиживал на службе, тратя бо́льшую часть времени на питье чая и листание газет и журналов, а вечером так же торопливо, скорее, торопливо заодно с остальными, ехал домой, – а в таких вот небольших городках тянуло в приятный, освежающий полусон на бульварчике.

Чеснова окликнули. Это были Степанов, Ремников и Зюзьков, тоже в костюмах, при галстуках, с портфелями. Чеснов бросил окурок в урну и вместе с ними вошел в университет.

...Сперва традиционно выступали танцевальные коллективы, пел народный хор. Репертуар соответствовал предстоящей конференции – песни и пляски были крестьянские. Слава богу, продолжалось это недолго. Потом начались выступления. Тот же замглавы администрации, ректор с приветствиями, после них – с докладами – профессора, доктора исторических наук, писатели, доценты... Выступление Чеснова было запланировано на завтра, поэтому он мог не вслушиваться в голос председательствующего, который вызывал очередного докладчика. На несколько секунд Чеснов даже задремал, но этого, к счастью, кажется, не заметили.

В два часа тридцать минут объявили перерыв, и участников пригласили на кафедру общественных наук закусить и выпить кофе.

Письменные столы в просторном помещении кафедры были уставлены тарелками с бутербродами и печеньем, лаборантки наливали в пластиковые чашки кипяток.

«Заморим червячка-а, – доверительно говорил входящим один из организаторов конференции, приземистый, с гладкой лысиной и горизонтально лежащим на круглом брюшке галстуком. – А в семь часов сядем уже основа-ательно».

Люди с улыбкой кивали, принимали у лаборанток чашки, делали себе кто чай, кто кофе, выбирали бутерброды.

«Коньячку бы сейчас фужерчик, – пошутил Зюзьков, пристраиваясь рядом с Чесновым, – для укрепления духа». – «М-да, не помешало бы». – «У меня выступление сейчас, – в голосе Зюзькова появилась искренность, – и что-то, слушай, мандраж потряхивает. Столько особей привлекательных, вдруг опозорюсь». – «Да брось, – усмехнулся Чеснов и огляделся. – Правда, что-то особо привлекательных не наблюдаю». Зюзьков шумно, губами, втянул горячий кофе, мотнул головой: «Ну вон хотя бы стоит пышечка. Под Ключевским». Чеснов посмотрел.

Действительно, под портретом историка Ключевского стояла невысокая, налитая здоровой полнотой женщина. Немного моложе Чеснова – лет тридцати семи. Щеки румяные, волосы зачесаны назад и по-казацки собраны на затылке в шишечку, а шишечка прикрыта чехольчиком с узором. Одежда же современная – легкий свободный свитер, голубые, женского покроя джинсы... Глаза хорошие – блестя-

щие, притягивающие, беспокойные какие-то. «Да, ничего, – кивнул Чеснов, – крестьяночка южных губерний». – «А студентки какие! – возбужденно зашептал Зюзьков. – Ползала студенток, и все смотрят. Боюсь засмущаюсь». – «Ну что ты! Когда это ты смущался? Помню я Саранск в прошлом году, как ты мордочек своими голосовыми переливами с ума сводил. И что потом было». Зюзьков сладко вздохнул: «Ох, не напоминай».

Продолжая перешучиваться, подходили к столам за новыми бутербродами. Потом курили на улице (в университете курить было нельзя – ректор гонял на улицу даже деканов); потом вяловато рассаживались в актовом зале. Без желания снова слушать доклады.

Чеснов, зараженный словами Зюзькова о женщинах, поглядывал по сторонам, невольно искал ту, с шишечкой на затылке. Да, привлекательная. И ведь действительно нужно с кем-то сойтись, чтобы эти три дня не были совсем уж пресными. Тем более номер отдельный, условия есть.

Иногда случалось, организаторы подобных мероприятий сразу прикрепляли к участникам этаких опекунов – из лаборанток или старшекурсниц. И это было очень удобно и приятно – без всяких поисков и прелюдий появлялась рядом женщина. И поговорить с ней, и выпить, и по городу погулять, и остальное...

Несмотря на боязнь смутиться и опозориться – показную, конечно, боязнь, – Зюзьков прочитал свой доклад о самобыт-

ности крестьянского уклада России накануне отмены крепостного права прекрасно. (Хотя идиллии в докладе было чересчур.) Да и остальные читали на высоком уровне – с выражением, проникновенно, не выбиваясь из регламента.

Один только, явно нетрезвый, бородатый писатель-почвенник, начал буровить, что крестьянство в России погибло, перебили его, уничтожили, и говорить не о чем. Зал отвечал ему холодной тишиной, и, уловив это, писатель все же закончил речь более-менее пристойно: «Но возрождается, возрождается наш кормилец, словно феникс восстает он из пепла. И значит – жив-ва Русь, и будет жить! Спасибо вам, братья и сестры!» Даже аплодисменты сорвал.

В восемнадцать ноль-ноль первый день конференции объявили оконченным, и участники медленно направились в ресторан. «М-м, в «Барский двор» идем, если не ошибаюсь», – сказал Степанов. Зюзьков иронично дернул плечами: «А куда ж еще? У них это одно приличное место». – «Да, кормят там вкусно. И главное, – поддержал разговор Чеснов, – на воздухе. Люблю выпить на воздухе». Ремников хохотнул: «А кто не любит!»

Их компания замыкала вереницу, и Чеснов то и дело выхватывал взглядом из идущей впереди группы людей в разнообразной одежде голубые джинсы, бежевый свитерок, бордовый, с вышивкой чехольчик на шишечке волос. «Зад тяжеловатый, – отмечал с сожалением. – Вот в юбке бы хорошо смотрелась. Или в платье пышном. С кружевами. И раз-

ве не понимает, что безвкусно это, особенно вкупе с такой прической?»

«Барский двор» находился почти в центре, у пересечения двух широких улиц, но стоило войти за ограду, возникало ощущение, что ты где-то в сельской местности, на берегу маленькой речки. Журчала перебегающая из одного мраморного бассейна-прудика в другой вода, шелестели листья берез и еще каких-то, неизвестных Чеснову, деревьев... Все постройки, вплоть до туалета, были в «Барском дворе» бревенчатые.

Разместились на веранде за поставленными буквой «П» столами. Чеснову, Зюзькову, Степанову и Ремникову выбирать, куда сесть, не пришлось – сели на свободные места с краю.

Банкеты нравились Чеснову куда больше московских фуршетов, где нужно было скорей хватать тарелку, толкаясь, накладывать на нее что попало, успеть к столу с напитками, а потом ходить меж кучек неловко едящих людей, выискивая, к кому бы пристроиться. А банкеты напоминали Чеснову большие праздники его детства – тогда в избе у бабушки и дедушки составляли в ряд все имеющиеся столы, собиралась родня и соседи, человек двадцать – тридцать (каждый обязательно что-нибудь приносил с собой), и сидели подолгу, распотевая, размякая, ели и пили, потом пели песни, даже плясали на свободных пятачках. И на банкетах тоже ино-

гда начинали петь и плясать.

Чеснов огляделся, заметил – женщина с шишечкой недалеко: на противоположной стороне стола, на пять человек левее его. «Неплохо, – порадовался, – лицо приятное, есть на что смотреть». Снял с тарелки салфетку, положил на колени. Ослабил галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.